

О ЗНАКОВОМ ХАРАКТЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Для анализа определенностей современного мира нужно использовать неклассическую методологию, в которой на первый план вышло бы не изучение последовательностей, а определение смысла, направления и качества происходящих изменений. Однако вопрос заключается не только в используемой методологии, но и в создании ситуации понимания. Ведь для каждой области общественной жизни выделяется область понимания, а также связанные с созданием ситуации понимания знаки, значения и смыслы. Возможным универсальный подход к действительности становится лишь при обобщении областей значений и смысла, которые будут затем налагаться как на имеющиеся данности, так и на совершаемые в области данности действия. Действия понимаются здесь не только как определенность поступка, но и как действия, которые связаны с организацией и социума, и самого действия. Возникает своего рода «сверхдействие», дающее нам область возможных значений и направления развития. «Общее» при таком подходе будет связано с «единичным» не через особенное, а через систему значений.

Классическая политическая экономия западных стран являет тому пример. Иногда она выступает в весьма странном для традиционного восприятия качестве, что, в частности, обусловлено используемой терминологией. Из-за этого отделить поле собственно экономики от смысловой определенности, возникающей вне поля экономических структур, практически невозможно. В большинстве западноевропейских языков понятия стоимости и ценности выражаются одним термином: в английском — *value*, в немецком — *wert*, во французском — *valeur*. Возникают сложности истолкования, так как единство терминологии и соответствующих терминам явлений экономичес-

кой действительности позволяет говорить о смысловой связи между такими понятиями: ценность как значимость и стоимость как онтологическая определенность экономического качества действительности.

При таком подходе в экономике одновременно оказываются выраженными как реальные экономические отношения, так и отношения, которые обладают прежде всего антропологической определенностью (понятие ценности), отношения, по своей сути не всегда связанные с происходящим экономическим процессом. Это прямое указание на присутствующее в экономике знаковое и ценностное содержание, вне которого невозможно выразить сущность экономических процессов. В экономике, в ее латентном состоянии, мы можем наблюдать двойственную определенность — определенность значимости и определенность конкретного экономического действия в системе экономической реальности. Возникает единство между конкретной экономикой и хозяйством, которое является общностью более высокого порядка. Экономика, отражаемая в экономической науке, — это анализ особых фактов. Фактом экономики являются реальная обособленность и определенность данности вещи в системе ресурсов. Реальность в экономике носит абсолютный характер, именно через нее закладывается сама экономическая данность. Реальность в экономике есть неразрывное единство субъективного и объективного, но единство, привязанное к конкретной экономической модели, в которой ресурсная составляющая имеет вариативный характер. Примеры этого — доиндустриальное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество. Возникает единство экономической системы, однако субъект, объект и ресурсы экономики связаны совершенно иной системой экономической реаль-

ности. Будущее любой экономической системы, при такой определенности фактов, легко может быть определено благодаря анализу ресурсной составляющей, которая выступает в качестве основы объективных и субъективных факторов, данных в системе значений и значимостей, т. е. определенности смысла. Смысл предстает здесь как единство актуального и потенциального в отношении трендов развития, как определенность смысла, в таком контексте не субъективная, а факторно-фактологическая. Поэтому анализ будет весьма конкретным, но определенность основания в отношении будущего оказывается связанной со смысловой определенностью трендов экономического развития. Основание экономической действительности становится движущимся, изменяющимся, что возможно только при применении субъектного факторного анализа. Устойчивость такой системы, даже в отношении будущего, имеет место только при четкой выраженности поля ее смысловой определенности. Возникает классическая философская дихотомия подвижного покоя.

В современном мире реальная вещественная составляющая сведена к минимуму. Информация превращается в то, что можно продать и что не имеет вещественного воплощения. Товар изменил свою форму и не всегда выступает в качестве вещественного. Современность оказывается связанной в своем функционировании с процессами, которые происходят в соответствии с логикой буддизма. Экономике можно в этом контексте рассматривать как знаковую систему очень высокого порядка, вариативность данности и определенности (определенности не только стоимостной, но и ценностной) означает не буквальное, а смысловое соответствие. Возникает определенность смысла, которая может быть выражена как знаковая, символическая система, соответствующая действительности экономики. Слитые в единстве экономики процедуры и процессы обладают связывающей их в единое целое информационной данностью. Умение локализовать знак экономики относительно информационного поля позволяет выделить структуры смысла относительно не только дан-

ности, но и возможной будущей определенности. Факт, отнесенный как к его данности, так и к информационному полю, дает систему значений, которая выступает в четкой знаковой форме определенности факта экономики, места в информационном поле, смысла, понимания, значения.

Мы можем согласиться с М. Фуко, что условие возникновения символической ценности связано с тем, что «богатство представляет собой систему знаков, которые созданы, приумножены и модифицированы человеком». М. Фуко указывал на двойственное положение богатства: с одной стороны, это система знаков, с другой — это постоянно изменяемая человеком система знаков. Разрешение противоречия между таким двойственным положением знаковой системы богатства возможно только при установлении двух основных философских теорий, снимающих противоречие определения. Необходимость установить знаковое содержание экономики представляет ее объективное содержание. Также следует определить специфику самого экономического действия в отношении деятеля — человека. Человек в системе действия, человек-деятель, имеющий возможность влиять на вариативность окружающей его действительности, рассматривается в контексте антропологической философии. Понимание процесса и возможность оказывать влияние на процесс и дают нам единство объективного и субъективного. Понимание, рассматриваемое в системе действия в отношении знакового поля экономики, и образует специфику философии экономики как научной дисциплины. Методологической базой философии экономики, исходя из той ее части, которая непосредственно связана с философией, становятся философская антропология, структурализм, постструктурализм, герменевтика, философская семантика и семиотика.

Ж. Бодрийяр прямо указывал на то, что современная экономическая действительность изменяется, причем посредством усиления прежде всего ее информационного содержания, вследствие чего экономика становится символической и знаковой. В результате Ж. Бодрийяр противопоставлял

символическую ценность не только потребительной, но и меновой стоимости. «...Потребительная стоимость играет роль горизонта и целевой установки в системе меновой стоимости — первая характеризует конкретную операцию, осуществляемую с товаром в ходе потребления (момент, аналогичный десигнации для знака), вторая же отсылает к способности всех товаров обмениваться друг на друга по закону эквивалентности (момент, аналогичный структурной организации знака), и обе они диалектически соотносятся на протяжении всего Марксова анализа, определяя рациональное устройство производства, регулируемого политической экономией. Но вот произошла революция, положившая конец этой “классической” экономике стоимости, революция самой стоимости как таковой, заменяющая старую рыночную форму новой, более радикальной. Эта революция состоит в том, что два аспекта стоимости, казавшиеся навек связанными между собой естественным законом, оказываются разобщены, *референционная стоимость уничтожается, уступая место структурной игре ценности*».

И далее: «Нет больше референций производства, значения, аффекта, субстанции, истории, нет больше никакой эквивалентности “реальным” содержаниям, еще отягощавшим знак каким-то полезным грузом, какой-то серьезностью, — то есть нет больше его формы как представительского эквивалента. Победила другая стадия ценности, стадия полной относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции. Симуляции в том смысле, что теперь все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное (причем друг на друга так хорошо, так безупречно обмениваются именно постольку, поскольку не обмениваются ни на что реальное)».

Выводы, которые делал Ж. Бодрийяр для экономики, парадоксальны, но мы можем с ними согласиться. «То же происходит и на уровне производительной силы и процесса производства: уничтожение всякой целевой установки производства позволяет ему функционировать как код, а денежному знаку — пуститься, например, в ничем не ограниченные спекуляции, без всякой

привязки к производственным реальностям и даже к золотому эталону». Ж. Бодрийяр был глубоко прав, когда именно так характеризовал экономику постиндустриальных стран, в экономической действительности которых доминирует виртуальный компонент, обладающий прежде всего знаковой определенностью. Для непостиндустриальных экономик за знаком всегда прячутся реальные ресурсы и товары, поэтому эквивалентность обмена между постиндустриальной экономикой и индустриальной и доиндустриальной оказывается нарушенной. В значительной мере это объясняет неравномерное экономическое развитие стран мира. Многие страны, к числу которых, к сожалению, относится и Россия, в обмен на знаки отдают реальные ресурсы — это происходит от непонимания знакового статуса экономик современных западных стран. Знак эквивалентен только в соответствующей знаковой системе.

Еще один момент, о котором не говорил Ж. Бодрийяр, — это то, что экономика «постэкономических» стран связана с производством уникальных товаров, знаний и навыков, т. е. реально это уже «постэкономика», полностью ориентированная на человека, а не на «реальность» производственного процесса и связанная с человеком со всей его спецификой. Игра как элемент структуры становится возможной, когда возникают «пустые места», наличие которых и позволяет заполнять их реальным содержанием. «Постэкономическая» экономика из-за своей знаковой и символической формы полностью соответствует критериям игры как элемента структуры. Индивидуализм; личная, а не частная собственность; уникальные способности, помогающие человеку; признание высокой ценности интеллекта, науки, образования; корпоративное устройство как возможность выражать личное в системе организации — вот те социальные институты, которые стоят за знаковой виртуальной «постэкономикой».

Изменения в экономике всегда происходят в последнюю очередь. Экономика весьма консервативна по своей сущности. Поэтому невозможно рассматривать современную экономику и экономические

процессы, происходящие в западных странах, вне контекста западной цивилизации. Далеко не случайно, что любимое понятие Ф. де Соссюра и Ж. Бодрийера — ценность — служит в их методологических построениях своеобразным индикатором, выражающим путем изменения своего значения характеристики происходящих процессов, в которые ценность оказывается включенной. Такое возможно в единственном случае: когда ценность выполняет функции объекта=х, что реализуется лишь в рамках единой структуры. Основание единства может быть заложено только при сохранении без изменения «пустых мест» структуры, т. е. во все той же единой структуре. Знак, ценность и значение как понятия возможны лишь при утверждении общности и единства, когда они функционируют как объект=х. И не только в структурах, связанных с западной цивилизацией.

Если мы хотим определить какое-либо явление, то для начала необходимо не установить функциональные связи, а дать определение явления как такового или же указать на допустимость «прочтения» либо, по крайней мере, понимания явления в определенном контексте — общекультурном, научном или семантическом. Как мы уже отмечали, очень сложно в области конкретизации опыта вести разговор о системе и системном подходе. Система всегда должна быть включена в жестко фиксированные связи для целей достижения понимания, что возможно только при использовании структурного подхода, который в адекватном плане позволяет выразить как форму, так и сам центр структуры, находящийся вне структуры. Связь формы с «напряженностью» и «силой» структуры дает выражение смысла. Допустимой становится ситуация истолкования в возникающем единстве единичного и всеобщего, которое реализуется в рамках структуры. Ж. Деррида считает, что необходим закон, который как бы управляет центром структуры в его желании конструировать структуру, но при этом управляет и тем процессом означивания, который подчиняет смещения и замещения закону центрирующего присутствия, причем такого, которое никогда не было самим собой, бу-

дучи всегда уже выведенным из себя в своем замещении. При подобном подходе реальностью становится соотношение процесса и смысла процесса в рамках структуры. Вместе с тем, если мы локализуем экономическую данность, нам надо говорить о системе, но означение и смысл реализуются только структурно. Безотносительность экономических процессов образует систему, их смысловая наполненность и тенденции дают нам структурный аспект.

Поэтому один из элементов структуры, возникающей в нашем познании, должен выполнять те же функции, что и Нус в философии неоплатоников. Он представляет собой одновременно и то, что мыслит, и то, что мыслится. Он связан как с Единым, в его предельном единстве, так и с Душой Мира, в ее предельном многообразии. Тенденции могут быть самые разнообразные, но общее — определенность — в них есть. Увидеть устойчивое и изменчивое в состоянии цивилизации — и означает понять перспективы роста. Для западных стран единством устойчивого и изменчивого, которое и обеспечивает их доминирование в современном мире, стали наука, образование, сфера высоких технологий, применяемых как в области техники, так и при воздействии на отдельного человека и массовое сознание. Самой важной особенностью развития стала ориентация на развитие человека и человеческих ресурсов, а это означает не фиксированные формы бытия, а игру сознания, воображения, творчество. Решается базовая проблема, угнетавшая человечество на протяжении всей его истории, труд перестает быть тягостью, а превращается в творчество. Отсюда и возникает знаковая ситуация, о которой говорил Ж. Бодрийер: сознание не может манипулировать вещами, оно может воздействовать только на знаки и знаковые системы, что и формирует отношение к действительности не как к действительности, а как к коду. Ведь даже процесс труда превращает предмет в предмет для человека, т. е. изменяет значение предмета, а наука и образование в еще большей степени превращают мир в мир, где самое важное место занимает человек как индивидуальность.